

КРИТИЧЕСКИЕ РАЗБОРЫ СТАРЫХ ПЕРЕВОДОВ

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ

Пора уделить внимание едва ли не самому великому лирику России – Афанасию Фету. Вот миниатюра в переводе Эврил Пайман.

Печальная берёза У моего окна, И прихоть мороза Разубрана она.	The birch tree by my window Stands drooping, But by the hoarfrost's whimsy Fantastically bejeweled.
Как гроздь винограда. Ветвей концы висят, И радостен для взгляда Весь траурный наряд.	The ends of branches dangle, Like bunches of clear grapes I love to see the tangle Of frosted mourning crepe,
Люблю игру денницы Я замечать на ней, И жаль мне, если птицы Стряхнут красу ветвей.	To see the daystar waking Each ice-clad twig to flame; I hate to see birds shaking Such splendour down again.

Из шести необходимых рифм мы видим лишь две полноценных: “dangle-tangle” и “waking-shaking”, причём 1-е четверостишие перевода вообще не имеет рифм. Переводчица до предела облегчила свою задачу, но даже это не спасает перевод от недоразумений. Так, в 1-м катрене фигурирует «иней» (“hoarfrost”), во 2-м – идёт образ «замёршего траурного крепа» (“frosted mourning crepe”), а в 3-м катрене появляются сучья, «покрытые льдом» (“ice-clad”). Итак, на ветвях либо «иней», либо «лёд». Если птицы стряхивают такое «великолепие» (“Such splendour”), то как они могут «стряхнуть» лёд?! Даже иней «стряхнуть» было бы для птицы делом затруднительным. У Фета же речь идёт о том, что ветки покрыты нападавшим снегом, в котором и наблюдается «игра денницы», и именно только снег способен стряхнуть птицы.

На минуту вернёмся к рифме “dangle-tangle”. Во 2-м катрене у Фета «Ветвей концы *висят*», а не «болтаются», как в переводе, слово “tangle” (означающее «болтаться, спутываться») «висит» тут совсем некстати.

В заключение – о слове “again” («снова, опять»), которое висит балластом, ничего не прибавляя к “Such splendour”. Слово-«балласт»!

Шёпот, робкое дыханье, Трели соловья, Серебро и колыханье Сонного ручья, Свет ночной, ночные тени, Тени без конца, Ряд волшебных изменений Милого лица,	Lovers' whisperings, timid breathing, Nightingale in song, Silver glints and gentle heaving On the sleepy pond. Light of night, nocturnal shadows, Shadows race and race, Changes magical and passing Of the loved one's face,
--	---

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Smoky clouds, a tint of roses,
Amber overtones,
Kisses, tears, the words of promise,
And the dawn, the dawn!..

Всё в этой гениальной и знаменитой миниатюре Афанасия Фета пронизано дыханием и светом любви, но обратите внимание: у Фета нет ничего конкретного – лишь два любящих сердца и волшебство ночи... И вот первый шаг переводчицы Ольги Шарце – слово “Lovers” («влюблённые»). Этот шаг повторен во 2-м катрене – “Of the *loved one’s* face” («на лице любимой»), вместо «милого лица»; в 3-м катрене есть ещё одна прямолинейная декларация, балластная и вредная: “words of promise” («слова обещаний»), следующими за «поцелуями и слезами». В опусе нет ни единого намёка на «слова», – оба персонажа прекрасно обходятся без них, и в этом особая экспрессия опуса, где всё идёт без словесного аккомпанемента, – слова абсолютно не нужны. Хорошо ещё, что автор перевода не стала расшифровывать, что именно таится в “words of promise”, а то можно лишнего наговорить... Короче говоря, всё выставляется напоказ, как в новогодней витрине.

Всего этого уже достаточно, чтобы счесть переводческий опус прямой неудачей. Однако пройдемся по «малым» деталям. Так, например, с рифмой “song-pond” ещё можно с натяжкой примириться, но рифма “shadows-passing” едва ли встретишь даже у папуасских лириков. Кстати, не “On the sleeping pond”, а “of the sleeping pond” – здесь перепутаны падежи.

В 3-м катрене оригинала «пурпур розы» и «проблеск янтаря» стоят не обособленно, а относятся к «дымным тучкам», в переводе же неясно, где именно «пурпур розы» и «проблеск янтаря». Таким образом, детали усугубляют неудачу.

На заре ты её не буди:
На заре она сладко так спит!
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

In the dawn do not wake her from rest,
In the dawn she sleeps sweetly and deep.
And the morning breathes soft on her breast,
And flares red on the curve of her cheek.

И подушка её горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

And the pillow is hot to her head,
And uneasy and hot is her sleep,
On her shoulders the black braids are laid,
Like dark ribands from each side they sweep.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна, –

For she sat at the window yestreen,
Sat so still and so pale and so proud,
And she gazed and she gazed at the moon
As it played hide and seek in the cloud.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

And the brighter the moon at its game,
And the louder the nightingale’s song,
The more still, the more pale she became,
And the pain of each heartbeat more strong.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.

That is why, that is why or her breast
And her young cheek, dawn flashes deep...

Не буди ж ты её, не буди:
На заре она сладко так спит!

Do not waken her now from her rest!
In the dawn she's so sweetly asleep.

Этот хрестоматийный опус Фета, так же, как и предыдущий, не выносит никаких произвольных толкований и никакого изменения образности. Можно сделать комплимент переводчице Эврил Паймен за полное соблюдение метра и акустики оригинала.

А теперь разберёмся в подробностях.

В 1-й строке выражение “wake her from rest” (букв. «разбудить из отдыха») лучше заменить на оборот “rouse her from rest” («поднять, растревожить»).

Не классичны рифмы “deep-cheek” и “head-laid”, а «рифма» “yestreen / moon” – это вовсе не рифма, тем более что слово “yestreen” относится к шотландскому наречию и очень редко попадает в английский обиход. Зачем брать словеса из чужого языка, когда есть *свои*?

В 3-м катрене непонятно, почему к девушке применён термин “proud” («гордая»), если учесть, что она вечером «становилась всё бледней», а сердце билось «больней и больней» (тут не гордость, а всё усиливающаяся грусть, скорее даже печаль).

Не очень удачно в 1-м катрене использовано слово “curve” («изгиб» щеки), тогда как утро играет на *ямочках* ланит. О каком «изгибе» щеки идёт тут речь, непонятно.

В 3-м катрене слово “cloud” («облако») стоит в единственном числе, тогда как девушка следила «по *тучам* игру, / что, скользя, затевала луна». С одной-единственной тучей (облаком) играть (да ещё «в прятки», “hide and seek”) невозможно, – туча через одну-две минуты пройдёт и играть не с чем...

Наконец, в каком часу вечера девушка сидела у окна? По логике вещей, вечером («ввечеру»), но это в переводе не указано.

Семь недочётов с перспективой «кривотолков» – это уже не классика.

У КАМИНА

Тусклеют угли. В полумраке
Прозрачный вьётся огонёк.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылёк.

Видений пёстрых вереница
Влечёт усталый, теша, взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.

Встают ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль, –
И лжёт душа, что ей не нужно
Всего, чего глубóко жаль.

FIRESIDE

Dark comes, the coals glow fainter, dimmer,
the trembling flame that pricks the gloom
A blue-winged butterfly aquiver
Atop a crimson meadow bloom.

Drawn endlessly the weary gaze is
To strings and strings of visions rare.
Vague, strangely blurred and shadowed faces
From out the leaden ashes stare.

Past joy wells up with past grief blended,
Their gentle touch a bland caress.
Insouciance is a thing pretended:
The heart still yearns for what once was.

Едва ли мы ошибёмся, причислив этот опус к самым блестящим образцам фетовского гения. 12 строк чистейшего золота!

Посмотрим, какая часть этого золота пропала в переводе, сделанном И.Железновой.

Истинного поэта узнают уже по первой строке. Фет уже здесь предельно лаконичен, сберегая пространство для тонкой экспрессии образов. Сразу встаёт образ *вьющегося прозрачного огонька*, который сравнивается с лазурным крылом мотылька, плещущем на «багряном маке». И вот первая «роковая» потеря: пропал «багряный мак», заменённый смутным «красным луговым цветком». Пропал заодно и «мотылёк», заменённый «бабочкой» (заметим, что мотыльки обычно летают в полутьме, а бабочки – при ярком свете дня).

Вернёмся ко 2-й строке. В оригинале – «прозрачный огонёк», а в переводе «дрожащее пламя» (“trembling flame”). Кстати, «пламя» здесь едва ли уместно, тем более что оно “pricks the gloom” («прокалывает мрак») (!?) И ещё кстати: «мрака» здесь тоже нет, есть «полумрак».

Не станем препарировать 2-ю строку с её “visions rare” («редкими видениями»). Обратимся к самому ядру фетовской образности – к финальному «штриху» двух последних слов оригинала: «И лжёт душа, что ей не нужно // Всего, чего глубоко жаль». Вот вам *истинный* Фет во всём великолепии и простоте!

А теперь приведём эти две последние строки перевода дословно: «Безразличие (франц. термин *Insouciance*) – это вещь притворная: // Сердце всё ещё жаждет того, что однажды было».

Скажем без обиняков: переводчица всё внимание перенесла на «безразличие» и потому выбросила истинный смысл этих двух строк...

Я не стану унижать Фета разбором того, почему вариант, внедрённый И. Железновой, не выражает ни всей трагической глубины смысла последних строк оригинала, ни тем самым – смысла всего опуса. Жестокая потеря для иностранного читателя, не могущего прочесть русский оригинал.

ЕЩЁ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Какая ночь! На всём какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега,
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звёзды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь.
И в воздухе за песней соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Берёзы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен, и чужд её убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной – и последней, может быть...

ANOTHER MAY NIGHT

O, what a night, what languor over all!
To you, my midnight land, my thanks I say!
From realm of ice, from realm of snow and squall
How fresh and chaste comes flying forth your May!

O, what a night! Now every single star
With meek compassion looks down from above,
The nightingale fills all the listening air
With trembling expectation and with love.

The birch-trees wait. Their half-transparent leaves,
So timidly enticing and so dear,
Are all a-flutter. So a bride may feel
Both strange and joyous in her wedding gear.

No, never less corporeal, nor more tender,
The face, o Night, that you have turned to me!
Once more, once more in song I seek to render
Your loveliness – perhaps for the last time.

Этот опус относится к тем творениям поэзии, в переводе которых нетерпимы любые промахи, идёт ли речь о понимании русского текста или выборе средств передачи его на другом языке.

Во 2-й строке 1-го катрена поэтом выражена благодарность *краю* за волшебство ночи. «Благодарю, родной полночный край!» Какой же «край» благодарит Фет?

Переводчица Эврил Пайман, став перед термином «полночный», перевела его (не долго думая), как “midnight” («полуночный»). Вспомним, однако, Пушкина, которого надо знать паче всех прочих:

«*Полночных стран краса и диво!*» (Это о Санкт-Петербурге).

«Полночный» значит «северный» – в этом вся нехитрая сложность, и это значение упраздняет все поползновения использования слова “midnight”...

Второй интересный момент мы находим во 2-м катрене: «Все звёзды до единой // Тепло и кротко *в душу* смотрят вновь».

Что́ мы видим в переводе, смотрят ли звёзды «*в душу*»? Увы, нет. Звёзды “looks down *from above*” («смотрят вниз *сверху*»). Ещё одна «ляпа», причём банальнейшая (откуда ещё смотреть звёздам?)

В том же 2-м катрене есть две строки, вызвавшие восторг Льва Николаевича Толстого («Откуда у этого толстого офицера эта лирическая дерзость – свойство великих поэтов?»). Что́ же конкретно поразило Толстого?

«И в воздухе за песней соловьиной
Разносится тревога и любовь...»

Слово «тревога»* как своеобразный синоним «любви» – это для Фета не редкость. Вспомним стихотворение «Жду я, тревогой *объят*, // Жду тут на самом пути...». Вспомним также дивное стихотворение «Купальщица»: «...И превратился весь в смущенье и *тревогу*...»

Несомненно, Толстого поразил, прежде всего, глагол «разносится». Действительно, очень дерзкий образ, в котором вдохновенно оживает весь воздух, пронизанный красотой соловьиной песни... Эта удивительная комбинация «тревоги» и «любви» делает любовь тем состоянием, о котором Фет пишет в конце стихотворения «Странное чувство какое-то».

В переводе вместо «разносится» (“spread”) стоит безликое “fill” («наполнять»). «Тревога» игнорируется, исчезает, не «разносится».

Дальше анализировать перевод не стоит, отмечу лишь единственный штрих: артикль “the” в последней строке опуса стоит в ударном положении, что недопустимо.

— * * * —

* По толковому словарю «тревога» это: «беспокойство, волнение (обычно в ожидании опасности или чего-нибудь неизвестного)».